

УДК 141 + 316.334
DOI 10.18522/2227-8656.2021.6.3

**ИНФОРМАЦИОННОЕ
ОБЩЕСТВО: ТЕНДЕНЦИЯ
К МИНИАТЮРИЗАЦИИ
И ТЕОРЕТИКО-
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ**

© 2021 г.
Т. П. Матяш*

** Донской государственный технический
университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*

Цель исследования: проанализировать феномен миниатюризации информационного общества и выяснить специфику соответствующих теоретико-методологических принципов изучения этого феномена. Для реализации этой цели в статье формулируется ряд задач: раскрыть суть процесса миниатюризации общества; выяснить причины, обусловившие этот процесс; объяснить, почему он не был свойствен промышленному обществу; показать дифференциацию специфики структур социальных групп, создаваемых индивидами в промышленном и информационном обществах; изучить природу скреп, объединяющих людей в социальные группы в том и другом обществе; выяснить теоретико-методологические особенности изучения феномена миниатюризации общества.

Методология исследования. В процессе исследования феномена миниатюризации информационного общества использованы методы реконструкции, моделирования, классификации, аналогии, сравнительного анализа. Эти методы позволили рассмотреть не получившие широкого обсуждения проблемы специфики теоретико-методологических принципов объяснения природы социальных скреп индиви-

Тип статьи в журнале – научная

**INFORMATION SOCIETY:
THE TENDENCY TOWARDS
MINIATURIZATION,
THEORETICAL
AND METHODOLOGICAL
PROBLEMS**

© 2021
T. P. Matyash*

** Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia*

Objective of the study is to analyze the phenomenon of miniaturization of the information society and to find out the specifics of the corresponding theoretical and methodological principles for studying this phenomenon. To achieve this goal, the article formulates a number of tasks: to reveal the essence of the process of miniaturization of society; find out the reasons for this process; explain why it was not characteristic of the industrial society; to show the differentiation of the specifics of the structures of social groups created by individuals in the industrial and informational societies; to study the nature of ties that unite people into social groups in both societies; find out the theoretical and methodological features of the study of the phenomenon of miniaturization of society.

The methodology of the research. In the process of studying the phenomenon of miniaturization of the information society, methods of reconstruction, modeling, classification, analogy, comparative analysis were used. These methods made it possible to consider the problems of the specifics of the theoretical and methodological principles of explaining the nature of social ties of individuals in industrial and informational societies, which did

дов в промышленном и информационном обществах; выяснить, какие изменения теоретико-методологических установок предлагают представители американской философии прагматизма, в частности Р. Рорти, для объяснения проблем образования социальных групп в информационном обществе, тяготеющем к миниатюризации, и рассмотреть, как эти изменения коррелируются с тем пониманием природы человека, которого придерживаются представители американской философии прагматизма; дать критическую оценку идеям, сформулированным Р. Рорти в ходе использования юмовской концепции морали (симпатии) в качестве теоретико-методологической установки для изучения структур социальных групп в информационном обществе.

Результаты исследования. Во-первых, показано, что суть феномена миниатюризации информационного общества состоит в замене больших общностей людей (класс, нация, народ), свойственных промышленным обществам, малыми социальными группами. Среди причин этого феномена особо выделена нарастающая тенденция к утверждению ценности индивидуализма. Во-вторых, доказано, что тенденция к утверждению в Европе ценности индивидуализма сформировалась не в 60–90-е гг. XX столетия, как считает Ф. Фукуяма, назвавший эти годы «Великим разрывом», а во времена Французской революции и Просвещения, и объяснено, почему начавшийся после Французской революции процесс утверждения ценности индивидуализма не явился пусковым механизмом миниатюризации общества промышленного производства, ориентированного, напротив, на формирование больших социальных сообществ, таких, например, как класс, а также рассмотрены те теоретико-методологические принципы, на которых базировалось объяснение возможности существования устойчивых связей между индивидами в больших социальных группах. В-третьих, выявлены причины доминирования ценности индивидуализма в информационном обществе и показана роль этой ценности в его миниатюризации, а также исследованы затруднения в использовании теоретико-методологических принципов, базирующихся на идее разума как

not receive a wide discussion; find out what changes in theoretical and methodological attitudes are proposed by representatives of the American philosophy of pragmatism, in particular R. Rorty, to explain the problems of the formation of social groups in information society, tending to miniaturization, and consider how these changes correlate with that understanding of human nature, which is adhered to by representatives of the American philosophy of pragmatism; to give a critical assessment of the ideas formulated by R. Rorty in the course of using the Humean concept of morality (sympathy) as a theoretical and methodological setting for studying the structures of social groups in the information society.

Research results. First, it is shown that the essence of the phenomenon of miniaturization of the information society consists in replacing large communities of people (class, nation, people) inherent in industrial societies with small social groups, and among the reasons for this phenomenon, the growing tendency to assert the value of individualism is highlighted. Secondly, it has been proved that the tendency towards the assertion of the value of individualism in Europe was formed not in the 60-90s of the twentieth century, as F. Fukuyama believes, who called these years the "Great Break", but during the French Revolution and the Enlightenment, and explained why the process of affirming the value of individualism, which began after the French Revolution, was not a trigger for the miniaturization of industrial production society, focused, on the contrary, at the formation of large social communities, such as a class, for example, and also considered those theoretical and methodological principles, on which the explanation of the possibility of the existence of stable ties between individuals in large social groups was based. Thirdly, the reasons for the dominance of the value of individualism in the information society are revealed and the role of this value in its miniaturization is shown, as well as difficulties in using theoretical and methodological principles based on the idea of reason as the core of the human self and explaining the nature of ties of individuals in large social communities are investigated, to explain the nature of ties in small

ядра человеческой самости и объясняющих природу скреп индивидов в больших социальных сообществах, для объяснения природы скреп в малых социальных сообществах. В-четвертых, рассмотрена связь между пониманием природы человека представителями американской философии прагматизма, например Р. Рорти, и их обращением к юмовской концепции морали (симпатии) как некоей методологической установке для объяснения природы скреп между индивидами в малых социальных группах информационного общества. В-пятых, дана критическая оценка сформулированных Р. Рорти в процессе использования юмовской концепции морали идей разбожествления человека и конца эпохи социальных теорий.

Перспективы исследования. Исследование тенденции информационного общества к миниатюризации можно использовать для теоретического решения проблем, связанных с перспективами развития европейской социальной, политической и нравственной практики.

Ключевые слова: миниатюризация общества; информационное общество; деонтологизация; десакрализация; юмовская концепция морали

social communities. Fourth, the connection between the understanding of human nature by representatives of the American philosophy of pragmatism, for example, R. Rorty, and their appeal to the Humean concept of morality (sympathy), as a kind of methodological setting for explaining the nature of ties between individuals in small social groups of the information society. Fifth, a critical assessment is given of the ideas of the deification of man and the end of the era of social theories, formulated by R. Rorty in the process of using the Humean concept of morality.

Prospects of the study. The study of the tendency of the information society to miniaturization can be used to theoretically solve problems related to the prospects for the development of European social, political and moral practice.

Keywords: miniaturization of society; information society; deontologization; desacralization; Hume's concept of morality

Введение

Период 60–90-х гг. XX в., названный Э. Тоффлером третьей волной в цивилизационном развитии Европы (Тоффлер, 2010)¹, Ф. Фукуяма обозначил как «Великий разрыв», смысл которого, с его точки зрения, состоял в том, что единственной ценностью в информационном обществе стала ценность индивидуализма как такового (Фукуяма, 2003. С. 13, 17). Некоторые исследователи, в частности традиционалистского толка, например Р. Генон и Ю. Эвола, проинтерпретировали доминирование в обществе этой ценности как начало морального упадка и краха социально-политического порядка в Европе (Генон, 2008; Эвола, 2016).

¹ Первой волной Э. Тоффлер называл переход от охоты и собирательства к земледелию, а второй – переход от земледелия к промышленному производству (Тоффлер, 2010).

Но следует вспомнить, что тенденция к утверждению в Европе ценности индивидуализма сформировалась, по мнению классиков марксизма Ф. Ницше, Вл. Соловьева, еще во времена Французской революции и Просвещения¹. «В старой Европе, – писал Вл. Соловьев, – каждое отдельное лицо было только элементом высшей общественной группы», в частности сословия, которое было «необходимой почвой и пищей» для идентификации индивидов и их сплочения. Французская революция, уничтожив эти группы, «предоставила каждое лицо самому себе», придав индивидам «абсолютное значение». Даже высшая общественная группа, каковой является народ, лишилась своего сакрально-онтологического статуса, превратившись в «простую сумму отдельных лиц, все единство которых заключается в случайном согласии желаний и интересов – согласии, которого может и не быть». «Место феодального принципа породы» и «политико-теологического принципа абсолютной монархии Божью милостью» занял принцип «народовластия» (Соловьев, 1988. С. 162–163). Другими словами, Вл. Соловьев говорит о произошедшей деонтологизации индивидуального бытия, сопровождаемой десакрализацией любой власти. Эти процессы породили закономерные сомнения современников Французской революции, например Э. Бёрка, в том, что люди, вырванные из традиционных сословно-социальных сообществ, претендующие на автономность, разрушившие сакральность власти, смогут объединиться и установить в Европе общественный порядок (Бёрк, 1993). Ответом на эти сомнения стало реальное возникновение нового социально-политического порядка, а именно буржуазного, и новых форм объединения людей в классы. Но как и почему автономные, тяготеющие к индивидуализации, отказавшиеся от признания сакральности власти люди сумели объединиться и установить социальный порядок?

Методология исследования

Неоспоримым является факт существования запросов капиталистического производства на большие социальные сообщества людей, такие, например, как класс пролетариата. Реализация этого запроса предполагала снижение и даже блокировку ценности индивидуализма, что и произошло в процессе обретения пролетариатом «необходимой почвы и пищи» для коллективной идентификации и сплочения. Для пролетариев их класс стал некоей питательной почвой, в которой уко-

¹ Строго говоря, индивидуализация имеет гораздо более древнюю историю: Адам и Ева заложили тенденцию к индивидуализации, так как возжелали послушаться Бога и претендовать на самостоятельное знание о добре и зле.

ренялось индивидуальное бытие. Другими словами, был восстановлен в новых условиях и с новыми действующими лицами разрушенный Французской революцией социальный порядок, согласно которому отдельное лицо было «только элементом высшей общественной группы». Действительно, класс, как когда-то сословие, стал определять жизненное положение средних своих членов, их личную судьбу, мысли и чувства. Ценность индивидуализма была отеснена на периферию общественной жизни, о чем свидетельствовал сформулированный К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии» лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Но все же класс, в отличие от сословия, являлся добровольным объединением индивидов, и принадлежность к нему не передавалась по наследству. Скреплял индивидов в класс разумный эгоизм и осозанный материальный и политический интерес. Другими словами, индивиды, объединяясь в класс, действовали ведомые соображениями своего разума. Разумность действий индивидов обосновывала и западноевропейская философия рационализма, утверждавшая, что разум является ядром самости, а разумность – существенной характеристикой человека как такового. Разуму как ядру самости приписывалась роль некоей метафизической скрепы, некоего гаранта возможности собирания индивидов в большую рационально организованную социальную общность (класс, нация)¹.

Несколько в обобщённом виде эту методологическую установку сформулировал Х. Ортега-и-Гассет: «Человечество всегда представляло собой функциональную структуру, в которой наиболее энергичные люди – какой бы ни была эта форма этой энергии – воздействовали на массы, придавая им определённую конфигурацию (Ортега-и-Гассет, 1991. С. 5). Формами энергии человека являются разумность и воля, а также физическая сила. После разрушения сословной структуры общества «энергичными людьми» оказались буржуа, которые, используя эти формы энергии, придали массам «определённую конфигурацию», превратив с помощью всякого рода разумного и физического насилия прежних мелких собственников в пролетариев (Маркс, 1955. С. 747). Рукотворной власти капитала буржуазные реформаторы («энергичные люди») «подобрали» государственность, альтернативную средневековой сакральной «католико-имперской модели государственности», а именно

¹ Кстати, на этих теоретико-методологических предпосылках базировалось учение классиков марксизма.

буржуазную демократию¹, конгруэнтную либерализму². Человеческую, а не сакральную сущность демократии подчеркивал К. Маркс, видя в этом её достоинство. Демократия, писал он, «есть разрешенная загадка всех форм государственного строя», так как она показала, что «действительным основанием государственного строя вообще является действительный человек, действительный народ», что государственный строй вообще есть «свободный продукт человека», тогда как вплоть до Французской революции власть монарха трактовалась как данная от Бога. В демократии «не человек существует для закона, а закон существует для человека», ибо законом здесь является человеческое бытие (Маркс, 1955. С. 252–253). Именно с осуществлением перехода «к человеческому миру демократии» К. Маркс связывал движение человечества вперед. (Критику буржуазной демократии классиками марксизма мы оставляем без рассмотрения.) Такой переход возможен после революционного превращения капиталистического общества в коммунистическое. Периоду же революционного превращения первого во второе «соответствует, – как писал К. Маркс в “Критике Готской программы”, – политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата” (Цит. по: Ленин, 1974. С. 95).

Если в буржуазной революции «энергичными людьми» были буржуа, то в пролетарской революции на роль «энергичных людей» стал претендовать класс пролетариата, у представителей которого уже сформировались гнев и ненависть к буржуа. Эти чувства стали одной из движущих сил революции, но только после их разумного обоснования в ходе просвещения пролетариата учением классиков марксизма. Это учение рационализировало спонтанные чувства гнева и ненависти, подчинило их оправданной разумом цели свержения власти буржуа и установления пролетарской диктатуры. Добившись положения правящего класса, пролетарии разумно и осознанно установили свою диктатуру, связанную с насилием. Цель этого разумно осознанного насилия заключалась не просто в подавлении сопротивления буржуазии, но в уничтожении классов вообще, построении бесклассового общества. «Классы, – писал Ф. Энгельс, – исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство» и на его смену придет народное самоуправление (Энгельс, 1962. С. 173). Его

¹ В марксизме классическая буржуазная демократия рассматривалась как «политическая надстройка», которая, как писал В. И. Ленин, служит «в конечном счете производству и определяется в конечном счете производственными отношениями данного общества» (Ленин, 1970. С. 276).

² В отличие от либерализма демократия необязательно тождественна десакрализации (Дугин, 2004. С. 343).

возможность классики марксизма объясняли наличием у всех членов бесклассового общества единой общей разумной цели, предполагающей утверждение всеобщей справедливости, политического и экономического равенства, материального благоденствия.

Итак, в эпоху господства промышленного производства идея разума была философской теоретико-методологической установкой, на которой базировались социальные теории, не только объясняющие возможности объединения индивидуумов в большие сообщества, каковым являлись классы, но и теоретически решающие проблемы европейской социальной, политической и нравственной практики.

Обсуждения и результаты

В информационном обществе, сформировавшемся в 60–90-х гг. XX в. под воздействием информационных технологий, в частности средств быстрой связи (телевидение, факс, электронная почта, интернет), тенденция к индивидуализму стала главной ценностью, определяющей способы и формы сплочения индивидов. Доминирование этой ценности заставляет индивидов, как считал Ф. Фукуяма, «искать сплоченность в маленьких и гибких группах и организациях. Большие сообщества индивидов, объединенных единой целью, имеющих общие интересы и общий менталитет, стали размываться, уступив место многочисленным малым группам». Процесс замены больших общностей людей (класс, нация, народ) малыми постоянно сменяющимися общностями «мы» Ф. Фукуяма назвал «миниатюризацией общества» (Фукуяма, 2003. С. 13, 131). Показательно, что в это время в социологии утвердилось понятие «страта», обозначающее заведомо меньшее число индивидов по сравнению с классом. Специфика таких малых групп и объединений в миниатюризованном обществе состоит в том, что членство в них жестко не продиктовано производственными отношениями, как это было в промышленном обществе в отношении классов, а вступление и выход из этих маленьких групп совершаются легко по желанию самих индивидов, что позволяет индивиду быть членом сразу нескольких малых групп. Каждая из них, по сравнению с большими объединениями, каким являлся класс, меньше по количеству членов и слабее по силе влияния на них, а локальные цели и нравственные установки этих групп зачастую не имеют никакого отношения к нормативной этике, ответственности за наличие у индивидов нравственного долга и моральных обязательств любить всех людей, ощущать солидарность со всем человечеством, опираться в построении общества на общечеловеческие идеалы и т. д. Миниатюризация информационного общества сопровождается

плюрализацией социальных целей и ценностей, что проблематизирует возможность использования универсальной идеи разума в качестве социального цемента, скрепляющего индивидов в сообщества и гарантирующего социальный порядок.

Осознав эту реальную методологическую трудность, представители американской философии прагматизма объявили идею разума как ядра самости ошибочной вообще, отказались признавать методологическую ценность и историческую оправданность представления о разуме как целительной и объединяющей силе, объясняющей социальный порядок и формирование больших социальных сообществ в промышленном обществе. Методологическую недееспособность идеи разума как ядра самости Р. Рорти, например, видит в том, что она, с его точки зрения, является переформатированием религиозной потребности в человеческих проектах, «заверенных не-человеческим авторитетом» (Рорти, 1996. С. 81), т. е. выполняет ту же функцию, что и Откровение Бога, оповестившего людей об их создании по Его образу и подобию. Признание идеи разума как целительной и объединяющей силы означало явное или неявное признание связи человека с Божественным миром. Разрушить эту связь, раз-божествить человека стало одной из главных задач представителей американского прагматизма, что обуславливалось их толкованием природы человека как случайного результата экспериментов природы, смертного существа, сотканного из случайного «пучка желаний», деяния и жизнь которого также случайны. Случайность человеческого бытия означает, что у людей нет общей природы, а значит, не существует и морального обязательства солидаризироваться с остальными людьми и человечеством в целом. «Разбожествление» человека является, по мнению Р. Рорти, необходимым условием построения настоящего либерального общества. Неприятие европейской идеи разума как ядра человеческой самости и страстное желание избавиться от неё вообще Р. Рорти заимствовал у главного систематизатора американского философского прагматизма Дж. Дьюи.

Среди европейских философов, согласно Р. Рорти, есть те, которые также отвергают ценность идеи универсальности разума. В качестве примера он называет имя З. Фрейда, который, отвергнув универсальность некоего «общего нравственного сознания», имеющего необусловленный характер, позволил смотреть на нравственное сознание как на продукт времени и случая и тем самым подвел «нас к идее отсутствия центральной самости по имени “разум”», оставил нас с самостью, сплетенной из случайностей (Рорти, 1996. С. 55, 57–58). Р. Рорти мог бы назвать и других европейских философов, подвергших ревизии теорети-

ко-методологическую ценность идеи разума. Достаточно назвать представителей постмодернизма, которые, как Ж. Деррида, объявляли претензии разума на познание истины гордыней и ложью, вменяли разуму агрессивный, сексуальный характер, отказывая ему тем самым в способности формировать нравственность в обществе.

Но в то же время многие европейские философы, будучи современниками процесса информатизации и, следовательно, миниатюризации общества, не отказались от методологической ценности идеи разума в объяснении возможности социального порядка и социального объединения людей в информационном обществе, хотя при этом переформатировали понятие разума. Ю. Хабермас, например, заменил концепцию субъект-центрического законодательного разума концепцией коммуникативного разума, оставив ему принадлежащую законодательному разуму универсальную функцию объединения людей в сообщество (Хабермас, 2003. С. 12, 94). Ф. Фукуяма, объясняя природу скреп людей в малых социальных сообществах миниатюризированного общества, также считал, что именно разум способен генерировать решение проблем социальной кооперации, делать людей «общественными и политическими созданиями с огромными возможностями для установления социальных норм (Фукуяма, 2003. С. 192–193). Но при этом он придал понятию «разум» смысл, близкий к предложенному Ю. Хабермасом понятию «коммуникативный разум».

В отличие от усилий европейских философов сохранить, хотя и в трансформированном виде, идею разума в качестве методологического принципа, объясняющего возможность социального порядка, представители американского прагматизма, как мы писали выше, категорически отвергают эту идею вообще. Они называют идею разума европейской метафизической болезнью¹, которую надо лечить, чтобы не заразить американскую интеллектуальную молодежь представлением о том, что в либеральном обществе нравственный прогресс осуществляется только с помощью разума, постепенно преодолевающего человеческий эгоизм. Именно эта метафизическая болезнь приводит, как утверждает Р. Рорти (Рорти, 1996. С. 97–98), к иллюзиям наподобие идеи И. Канта о вечном мире (Кант, 1966. С. 6–24), марксистских идей о коммунизме и т. д. Продолжая и развивая традиции Дж. Дьюи, Р. Рорти утверждает, что нравственный прогресс в либеральном обществе связан не с разумом,

¹ Отказ от идеи разума имел, по свидетельству самого Р. Рорти, цель заблокировать начавшееся с 30-х гг. XX в. увлечение американской интеллектуальной молодежи европейскими метафизическими спекуляциями, спасти ее от «одурачивания» «немецкой глубиной» и «французской утонченностью», от «искушения марксизмом» и показать наличие у американского философского прагматизма иной, своей интеллектуальной глубины (Рорти, 1996. С. 81–82).

постепенно преодолевающим человеческий эгоизм, а с такими душевными способностями, как сочувствие, сострадание, что, как считает он, соответствует сути настоящего либерального общества, цель которого – избегать «жестокости и боли». Другими словами, надежды на разум Р. Рорти предлагает сменить надеждами на способность человека к душевным переживаниям (Рорти, 1996. С. 81–82), что потребовало иной, по сравнению с классической, теоретико-методологической установки изучения общества. Тот факт, что душевные состояния и переживания были предметом юмовской философии морали (Юм, 1996. С. 401–414), обусловил её использование в качестве теоретико-методологической установки для изучения либерального общества. Либеральное общество, о котором говорил Р. Рорти, по сути, коррелятивно миниатюризированному обществу, так как и то и другое ориентированы на признание индивидуализма главной ценностью. Поэтому можно говорить, что Р. Рорти и Ф. Фукуяма имеют в виду одно и то же общество, а именно либеральное. Обращаясь к чувствам сострадания, сочувствия, сопереживания при рассмотрении формирования структуры и социального порядка в либеральном обществе, Р. Рорти пытался избавиться от трансцендентности, сопровождающей идею разума, так как, с его точки зрения, в указанных чувствах нет ничего, что находилось бы за и вне пределов здесь и сейчас существующих социальных обстоятельств. Чувства и переживания, утверждал он, возникают только по воле случая в конкретных ситуациях и только в отношении боли близких нам людей, например родственников, соседей, сослуживцев, а потому выполняемая ими функция скреп между индивидами в маленьких сообществах является ситуативной (Рорти, 1996. С. 239–251).

Смена надежды на разум надеждами на способность человека к душевным переживаниям определила и рассмотрение проблемы места и роли государства в миниатюризированном, т. е. либеральном, обществе. Так, Ф. Фукуяма, не отрицая возможности действенного участия государства, предполагающего применение всех его функций вплоть до картельных, предпочтение отдавал «бездействию» государства, его уходу «с дороги индивидов и сообществ», изъявивших желание построить социальный порядок «для самих себя», с учетом своих локальных интересов, желаний и предпочтений (Фукуяма, 2003. С. 372–373).

Вообще-то проблема «бездействия» государства не нова. Она обсуждалась в марксистском учении об отмирании государства в бесклассовом обществе. В. И. Ленин, будучи реалистом, не отрицал появления в этом обществе всякого рода эксцессов и считал, что их сможет подавить «сам вооруженный народ с такой же простотой и легкостью, с которой

любая толпа цивилизованных людей даже в современном обществе раз-
нимает дерущихся или не допускает насилия над женщиной» (Ленин,
1974. С. 89–90). Другими словами, он допускал возможность насилия
в обществе без государства, но насилие, как он считал, будет осу-
ществлять сам «вооруженный народ».

В либеральной утопии Р. Рорти об обществе «без жестокости и
боли» насилие отрицается в любых его формах. Оставляя за государ-
ством только функцию организации поиска людей, здесь и сейчас обре-
ченных на страдание и боль, он обеспокоен прежде всего тем, чтобы эти
поиски не были сопряжены с вмешательством в частную жизнь тех, кто
«унижен и оскорблен», ибо любое вмешательство в частную жизнь лю-
дей является, как считает он, насилием. Для предотвращения любого
вмешательства в частную жизнь, а значит, для предотвращения всякого
насилия Р. Рорти предлагает поручить поиск «униженных и оскорблен-
ных» не государственным органам социальной защиты, социальной опе-
ки, тем более полиции, а работникам свободной прессы, свободным
университетам, писателям. Но и их вмешательство в частную жизнь
неизбежно, если они не откажутся от жертвенных действий во имя спа-
сения «униженных и оскорбленных». Рассматривая любые жертвенные
действия как форму вмешательства в частную жизнь, Р. Рорти, по сути,
воспроизводит установку современных классиков либерализма
(Дж. Ролз, Р. Ноцик, Ф. Хайек), элиминирующих из своих либеральных
утопий идею жертвы, на которой основана всякая подлинная социаль-
ность (Дюпюи, 2021).

Заключение

Выскажем критические замечания относительно двух идей, сфор-
мулированных Р. Рорти в ходе использования юмовской концепции мо-
рали в качестве своеобразной методологической установки при изуче-
нии либерального общества.

Первое замечание связано с идеей Р. Рорти о раз-божествлении че-
ловека, которого якобы можно добиться, заменяя надежды на разум
надеждами на душевные переживания, которые, в отличие от разума, не
являются трансцендентными и не претендуют на связь с Божественным.
Но, акцентируя внимание только на позитивных переживаниях и чув-
ствах, таких как сострадание, сопереживание, жалость, боль за причи-
нённое страдание другим людям, Р. Рорти умалчивает, что такого рода
чувства и переживания напрямую коррелируются с заповедью любви,
провозглашенной Иисусом Христом в качестве высшего закона челове-
ческой жизни: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и

всею душою твоею, и всею крепостию, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф.22:37–39). «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга» (Ин. 13:34–35). В описании апостолом Павлом евангельской любви содержатся все чувства, о которых говорит Р. Рорти (1Кор. 13:4–7), что ставит под сомнение утверждение Р. Рорти об их некоем безразличии к Божественной истине. Но в таком случае идея раз-божествления человека остается необоснованной.

Второе замечание относится к идее Р. Рорти о завершении эпохи социальных теорий и социальных наук. Как известно, социальные теории в рационалистической философии назывались научными, так как были ориентированы на постижение истины социального бытия в его универсальности и всеобщности. Базирующиеся на теоретико-методологическом принципе, согласно которому разум как ядро самости человека является своеобразным социальным цементом, они хорошо работали при объяснении возможности объединения людей в большие социальные сообщества (класс, нация, народ). Конечно, следует признать, что процесс случайного здесь и сейчас объединения индивидов во множество локальных групп, имеющих свои локальные цели и интересы, формирует пространство социального релятивизма, противоречащего традиционному понятию истины. А это значит, что Р. Рорти прав, утверждая, что миниатюризированное или либеральное общество не может стать предметом традиционных научных социальных теорий, цель которых объяснить внутреннюю взаимосвязь социальных явлений в обществе как некоей целостности, а также внутреннюю логику самих этих социальных явлений. Но из этого в общем верного суждения делается неверный, на наш взгляд, вывод о конце эпохи социальных теорий и даже социальных наук вообще.

С нашей точки зрения, проведенное Ф. Фукуямой и Р. Рорти рассмотрение тенденции информационного общества к миниатюризации указывает не на необходимость отказа от социальных теорий вообще, а на изменение их предмета, структуры, содержания, методологических установок. Но при этом остается неизменной главная познавательная процедура любой социальной теории – объяснение, т. е. раскрытие существенных черт изучаемого предмета, путем его включения в структуру определенных связей, отношений и зависимостей. Ведь и Ф. Фукуяма, и Р. Рорти, каждый по-своему, объясняют природу либерального, стремящегося к миниатюризации общества, природу социальных скреп, объединяющих людей в малые сообщества. Кроме того, главный

упразднитель социальных теорий Р. Рорти использует в своих объяснениях свойственные социальным теориям идеальные конструкты общества, построенные на основе юмовской концепции симпатии как своеобразной теоретико-методологической установки. Однако следует признать, что созданные на основе юмовской концепции симпатии социальные теории будут обладать некоей спецификой, делающей их отличными от классических социальных теорий, базирующихся на рациональных основаниях. Но рассмотрение этой темы выходит за рамки данной статьи.

Литература

Аристотель. Политика // Соч. : в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 826 с.

Бёрк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М.: Рудомино, 1993. 143 с.

Генон Р. Кризис современного мира. М.: Эксмо, 2008. 781 с.

Дугин А. Г. Философия политики. М.: Арктогея, 2004. 616 с.

Дюпюи Ж.-П. Знак священного. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 272 с.

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч. : в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. 743 с.

Ленин В. И. Государство и революция // Полн. собр. соч. М.: Изд-во политической литературы, 1974. Т. 33. 431 с.

Ленин В. И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого и Бухарина // Полн. собр. соч. М.: Изд-во политической литературы, 1970. Т. 2. 606 с.

Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. I. С. 219–381.

Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 23. 807 с.

Ортега-и-Гассет Х. Тема нашего времени // Что такое философия? М.: Наука, 1991. 404 с.

Рорти Р. Случайность, ирония и соли-

References

Aristotle. (1983). Politics. Works in four volumes. Moscow: Mysl' Publ., 4. (In Russian).

Burke, E. (1993). Reflections on the revolution in France and the meetings of some societies in London related to this event. Moscow: Rudomino Publ. (In Russian).

Guénon, R. (2008). The crisis of the modern world. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian).

Dugin, A.G. (2004). Philosophy of Politics. Moscow: Arktogea Publ. (In Russian).

Dupuis, J.-P. (2021). The sign of the sacred. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ. (In Russian).

Kant, I. (1966). The idea of universal history in the world-civil plan. Comp. in 6 volumes. Moscow: Mysl' Publ., 6. (In Russian).

Lenin, V.I. (1974). State and revolution. Full collection of comp. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury Publ., 33. (In Russian).

Lenin, V.I. (1970). Once again about the trade unions, about the current situation and about the mistakes of Trotsky and Bukharin. Full collection of comp. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury Publ., 2. (In Russian).

Marx, K. (1955). To the criticism of Hegel's philosophy of law. K. Marx, F. Engels. Comp. 2nd ed. Moscow: Gospolitizdat Publ., I, 219–381. (In Russian).

Marx, K. (1955). Capital. Vol. 1. Marks K., Engels F. Comp. Moscow: Gospolitizdat Publ., 23. (In Russian).

Ortega y Gasset, J. (1991). The theme of our time. What is philosophy? Moscow: Nauka. (In Russian).

Rorty, R. (1996). Accident, irony and soli-

дарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 282 с.

Соловьев В.С. Соч. : в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. 823 с.

Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. 795 с.

Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: АСТ, 2003. 474 с.

Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Лекции XI «Еще один выход из философии субъекта: коммуникативный разум против разума субъект-центрированного». М.: Весь мир, 2003. 416 с.

Эвола Ю. Восстание против современного мира. М.: Прометей / Тотенбург, 2016. 476 с.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности, государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Государственное издательство политической лит-ры, 1962. Т. 21. С. 173.

Юм Д. Трактат о человеческой природе // Соч. : в 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 1. 733 с.

дарность. Moscow: Russkoye fenomenologicheskoye obshchestvo Publ. (In Russian).

Soloviev, V.S. (1988). Works in two volumes. Moscow: Mysl' Publ., 2. (In Russian).

Toffler, E. (2010). The third wave. Moscow: AST Publ. (In Russian).

Fukuyama, F. (2003). The Great Break. Moscow: AST Publ. (In Russian).

Habermas, J. (2003). Philosophical discourse about modernity. Lectures XI "Another way out of the subject's philosophy: communicative mind versus subject-centered mind". Moscow: Ves' mir Publ. (In Russian).

Evola, Yu. (2016). Revolt against the modern world. Moscow: Prometheus / Totenburg Publ. (In Russian).

Engels, F. (1962). The origin of the family, private property, the state. K. Marx, F. Engels, *Comp.* Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 21, 173. (In Russian).

Hume, D. (1996). Treatise on human nature. *Comp.* in 2 vol. Moscow: Mysl' Publ., 1. (In Russian).

Для цитирования: Матяш Т. П. Информационное общество: тенденция к миниатюризации и теоретико-методологические проблемы // Гуманитарий Юга России. 2021. 6 (52). С. 40–53.
DOI 10.18522/2227-8656.2021.6.3

История статьи:
Поступила в редакцию – 25.09.2021 г.
Получена в доработанном виде – 29.10.2021 г.
Одобрена – 12.11.2021 г.

Сведения об авторе

Матяш Тамара Петровна

Доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Центр научных компетенций,
Донской государственной технической
университет

344002, г. Ростов-на-Дону,
пл. Гагарина, 1,
e-mail: tamara.matiash@yandex.ru

Information about author

Tamara Petrovna Matyash

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor,
Chief Researcher
at the Center for Scientific Competence,
Don State Technical University

1 Gagarin Square,
Rostov-on-Don, 344002,
e-mail: tamara.matiash@yandex.ru